

Глава 1

Главные вопросы

Прошло уже более 150 лет с тех пор, как Чарльз Дарвин и Альфред Рассел Уоллес представили свои соображения об эволюции нашего мира. А в 1859-м, через год после официального обнародования этих концепций¹, Дарвин публикует одну из самых знаменитых книг в истории — “Происхождение видов”. Потом последовали первые находки ископаемых людей, которые с трудом поддавались идентификации — все же и палеонтология, и археология находились в те годы еще в младенчестве. Но сегодня у нас есть данные из Африки, и из Азии, и из Европы, а ископаемая летопись все ширится и пополняется... Мне повезло работать в эпоху самых вдохновляющих открытий в науке о нашем происхождении. Однако дело не только в находках, пусть и исключительной важности, но в научных прорывах, резко умноживших количество информации, которую мы теперь можем из этих находок извлечь. В первой главе я собираюсь обрисовать данные, на основе которых строились гипотезы о месте нашего происхождения, а затем и сами гипотезы. Гипотезы будут разные, среди них и моя собственная. В сущности, нам предстоит обсудить два разных набора чело-

¹ На собрании Линнеевского общества 1 июля 1858 года был сделан доклад об эволюционных идеях Уоллеса и Дарвина с выдержками из их рукописей; идеи и даже терминология обоих ученых были весьма сходными. Этот доклад, в отличие от книги Дарвина, не получил практически никакого общественного резонанса.

веческих признаков, и для каждого набора предполагается свое происхождение. Один набор — общий для всех современных людей. Он включает, в частности, субтильный (грацильный) скелет, отличающий нас от более массивных предков, более высокую и округлую черепную коробку, уменьшенные надбровные дуги, выступающий подбородок. Но есть и другой набор характеристик, определяющих географические популяции наших дней, — местные, “расовые”, признаки: например, выдающиеся вперед носы европейцев или более плоские лица большинства жителей Восточной Азии. Происхождение этих черт совсем разное, и мы обсудим это в следующих главах.

В книге “Происхождение человека и половой отбор” (1871) Дарвин предположил, что эволюционной прародиной человека была Африка, потому что именно на этом континенте в настоящее время обитают наши ближайшие родичи — африканские человекообразные обезьяны. Однако прошло еще немало лет, прежде чем в Африке были обнаружены окаменелые остатки, которые доказали правоту Дарвина. А до тех пор в фокусе научных споров о происхождении человека оставалась Европа с ее неандертальцами, гейдельбергскими людьми и поддельным “пилтдаунским человеком”, а также Азия, где был обнаружен “яванский человек”. Но вот в 1921 году в пещере Брокен-Хилл на территории современной Замбии был найден древний череп, и еще один череп откопали в 1924 году в пещере Таунг в Южной Африке. С этих находок начались научные дебаты, в результате которых Африка в конце концов была поставлена на первое место в истории человеческой эволюции, пусть эти споры и растянулись на много лет. К 1970-м годам выстроилась определенная хронологическая последовательность окаменелых остатков, показавшая, что Африка не просто континент, где началась эволюционная линия человека (то есть именно там жил последний общий предок шимпанзе и людей); именно в Африке сформировался род *Ното* — то есть род людей. Но где появились первые люди нашего собственного вида *Ното sapiens* (современные люди)? В 1970-х годах это было еще совершенно непонятно и оставалось загадкой вплоть до недавнего времени.

В “Происхождении видов” Чарльз Дарвин написал всего одну фразу о происхождении человека: “Это поможет пролить свет на происхождение человека и его историю”¹. Ничего больше он добавить не пожелал, объяснив свою позицию двенадцатью годами позже во введении к “Происхождению человека”:

В течение многих лет я собирал заметки о начале или происхождении человека, без всякого намерения напечатать что-либо по этому вопросу, или скорее с решимостью не печатать, так как я думал, что могу только увеличить предубеждения против моих взглядов.

Однако за эти годы Дарвин приобрел внушительное число влиятельных сторонников и почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы наконец приступить к обсуждению спорной темы происхождения человека:

Единственный предмет этого сочинения состоит в том, чтобы, во-первых, рассмотреть, произошел ли человек, как и всякий другой вид, от некоторой предсуществовавшей формы; во-вторых, узнать способ его развития; и, в-третьих, оценить различия между так называемыми человеческими расами.

Дарвин, однако, прекрасно отдавал себе отчет в том, что его взгляды разделяют далеко не все (и дело, к сожалению, обстоит таким же образом и по сей день):

Часто самоуверенно утверждали, что происхождение человека никогда не может быть узнано; но невежество гораздо чаще приводит к самоуверенности, нежели знание: малознающие, а не многознающие любят так положительно утверждать, что та или иная задача никогда не будет решена наукой.

¹ Здесь и далее цитаты из “Происхождения человека” приводятся в переводе И. Сеченова (1898).

Дарвин отдавал должное и трудам других ученых, в частности немецкого биолога Эрнста Геккеля, при этом весьма примечательно, что сам Геккель дистанцировался и от Дарвина, и от Томаса Гексли (известного как “бульдог Дарвина”) в таком критически важном вопросе, как происхождение человека, — вопросе, который остается дискуссионным и по сей день. В “Происхождении человека” Дарвин писал:

Для нас, конечно, весьма естественно желать узнать, где находилось место рождения человека в тот период его развития, когда прародители наши отделились от семейства узконосых [узконосые включают человекообразных обезьян и мартышек]... Во всяком большом участке света живущие млекопитающие бывают весьма сходны с вымершими видами того же участка. Поэтому вероятно, что Африка была первоначально населена вымершими обезьянами, весьма близкими к горилле и шимпанзе; а так как эти два вида самые близкие родичи человека, то предположение, что наши древние родоначальники жили на африканском, а не на другом каком-либо материке, становится еще более вероятным.

Впрочем, затем Дарвин делает оговорку:

Но бесполезно предаваться умозрениям по этому предмету, потому что... времени было достаточно для переселений в самых широких размерах.

В 1871 году, когда Дарвин писал эти строки, трудность заключалась не только в крайней скудости палеонтологической информации (в том числе полностью отсутствовали какие бы то ни было человеческие окаменелости из Африки) — в то время не было еще и ни малейших представлений о континентальном дрейфе (концепция, согласно которой массы суши постоянно двигались в прошлом и продолжают двигаться теперь по поверхности планеты, раскалываясь

и перестраиваясь по-новому). Этот процесс, как мы уже знаем сегодня, объясняет нынешнее географическое распределение многих групп растений и животных по планете (например, уникальные комплексы видов известны в Австралии и Новой Зеландии). Ученым прошлого, чтобы объяснить, каким образом родственные виды оказались на разных континентах, приходилось выдвигать гипотезы о некогда существовавших, но затем затонувших материках. Например, лемуры, сравнительно примитивные приматы, сегодня обитают лишь на острове Мадагаскаре, приблизительно в 300 км от побережья Африки. Однако древние ископаемые остатки лемуриноподобных животных были найдены на индийском субконтиненте. Пытаясь объяснить эту загадку, зоолог Филип Склейте́р выдвинул в 1864 году гипотезу, что некогда существовал огромный континент — Склейте́р назвал его Лемурией, — занимавший большую часть территории, на которой расстилается сегодня Индийский океан.

Опираясь на гипотезу об исчезнувшем континенте, Геккель выдвигал другую версию прародины человечества:

Существует ряд обстоятельств, позволяющих думать, что первозданным домом человека был континент, теперь погруженный в пучину Индийского океана; он простирался вдоль юга Азии... на восток, а к западу достигал Мадагаскара и юго-восточных берегов Африки. Допуская, что эта страна Лемурия была изначальной родиной людей, нам существенно легче объяснить географическое распределение людей за счет миграций.

Более того, Геккель, в отличие от Дарвина и Гексли, считал гиббонов и орангутанов Юго-Восточной Азии более близкими к древнему предку человека, чем африканские горилла и шимпанзе. И пока Дарвин вслед за геологом Чарльзом Лайелем полагал, что ископаемая летопись человеческой эволюции еще не раскрыта, поскольку не изучены соответствующие регионы, в частности Африка, Геккель предпочитал теорию,

Эжен Дюбуа и череп *Pithecanthropus erectus*

что все критически важные свидетельства покоятся на дне Индийского океана.

Во времена Дарвина уже были обнаружены окаменелые остатки неандертальцев — древних обитателей Европы. И если одни ученые прочили неандертальцев на роль “недостающего звена” и рисовали их полусогнутыми, с оттопыренными (хватательными) большими пальцами на ногах, то другие, например Гексли, представляли их безусловно человекоподобными, прямоходящими и обладающими большим мозгом. Дарвин не дождался до открытия окаменелостей настоящего примитивного че-

ловека — их обнаружил лишь в 1891 году голландский врач и антрополог Эжен Дюбуа. Вдохновленный сочинениями Геккеля, Дюбуа специально поступил на военную службу, чтобы получить возможность отправиться в Голландскую Ост-Индию (нынешнюю Индонезию) на поиски остатков древнего человека.

В свое время Геккель дал гипотетическому недостающему звену между обезьяной и человеком имя *Pithecanthropus alalus* (обезьяночеловек неговорящий); он твердо верил, что это существо обитало в Лемурии. Дюбуа сопутствовала удача, и при раскопках на острове Ява он обнаружил окаменелые остатки — крышку черепа, напоминающую череп обезьяны, и бедренную кость, похожую на человеческую. Дюбуа назвал ископаемое существо *Pithecanthropus erectus* — *Pithecanthropus* в честь Геккеля, а *erectus* — потому что, судя по кости, существо было прямоходящим, как мы. Теперь мы называем этот вид *Homo erectus* — этот представитель ранних *Homo* был широко распространен и существовал очень долго. Однако поскольку первые находки были сделаны на острове Ява в Индонезии, гипотеза Геккеля и Дюбуа, что прародина человека — Лемурия и Южная Азия, а вовсе не Африка, как будто бы подтверждалась.

Давая своей находке имя *Pithecanthropus erectus*, Дюбуа следовал системе, которую ввел столетием раньше Карл Линней, шведский натуралист и величайший классификатор в истории. Китайский философ Конфуций сказал, что имена — это то, как нарекает вещи “совершенномудрый”, и по счастливому совпадению именно “разумным”, “мудрым” (*sapiens*) Линней назвал человека. Задолго до Линнея существовало множество способов называть и классифицировать животных и растения, часто на основе случайно выбранных свойств — скажем, цвета или способа передвижения либо питания. Но Линней был убежден, что группировать живые существа следует на основании общих черт строения тела. В основе его системы лежит способ присвоения двух имен каждому уникальному сорту живых существ — то есть виду. Сначала идет название группы, к которой относится организм (то есть рода), оно пишется с заглавной буквы; затем

следует собственное имя вида, которое пишется со строчной. Так мы получаем *Homo* (“Человека”) *sapiens* (“разумного”). Эта система немного похожа на имя и фамилию (у всех детей в роду одна фамилия, но разные личные имена; для нашего вида общее родовое имя *Homo*, а личное-видовое — *sapiens*).

В самом известном, десятом издании своей книги *Systema Naturae* (1758) Линней также предложил четыре географических подвида человека — *europaeus*, *afër* (“африканский”), *asiaticus* и *americanus*, — приписав им весьма сомнительные и вообще анекдотические различия в поведении, вполне в духе тогдашних представлений европейцев о превосходстве собственного подвида. Например, если “человек европейский” живет под властью закона, то общество “человека американского” построено на обычаях и традициях, “человека азиатского” — на мнениях, а “человек африканский” руководствуется исключительно собственными импульсами.

В начале XX века стало появляться все больше данных в пользу неафриканского происхождения человека, и взоры ученых вновь обратились к Европе. Остатки неандертальцев были найдены уже в Хорватии и во Франции, а вслед за тем в 1907 году близ Гейдельберга в Германии в песчаном карьере деревни Мауэр обнаружили еще более древнюю и примитивную ископаемую челюсть человеческого типа. По мере накопления материала ученые начали строить эволюционные деревья. Эти деревья по существу разбивались на две категории. В первой окаменелости выстраивались в линейную последовательность, начиная от наиболее примитивной формы (например, яванского или гейдельбергского человека) к людям современного типа. У этой последовательности никаких боковых ответвлений не предполагалось (или их было очень мало), так что получалось нечто вроде лестницы.

Во втором случае получалась не лестница, а нечто вроде куста с центральным стволом, восходящим к современному человеку, а также многочисленными боковыми ветвями, на которых располагались различные формы с примитивными признаками. Эти ветви вели к вымиранию.